

ЕЛЕНА
КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ ЦЕНТР ПОЛИГРАФ
ДОНЦОВА

ДОЧЕРИ СТРАХА

Елена Донцова
Дочери страха

«Центрполиграф»

2010

Донцова Е. Д.

Дочери страха / Е. Д. Донцова — «Центрполиграф», 2010

Ульяна Гриневич долго испытывала терпение своего отца. До поры до времени ей все сходило с рук: пьянство, наркотики и случайные связи. Отец, уважаемый владелец крупного банка, сердился, но неизменно выручал непутевую девицу. Избалованная Уля никак не ожидала, что отец выберет радикальный способ наказать ее. Однако Рэм Григорьевич внезапно сообщил ей, что его настоящую дочь подменили в родильном доме. А в это время Лиза, на которую пролился дождь благоденствий щедрого банкира, тщательно оберегает свою тайну, ведь она может потерять и самое дорогое, что у нее есть, и даже жизнь.

Содержание

Ульяна	5
Лиза	10
Ульяна	13
Рэм и Надя, 1991 год	19
Лиза	25
Ульяна	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Дмитриевна Донцова

Дочери страха

Ульяна

Никогда еще Ульяне Гриневич не было так страшно.

Она лежала в темноте под одеялом, спеленутая по рукам и ногам так крепко, что пальцы конечностей уже начали неметь. По потолку, низкому и темному, ритмично прокатывалось мерзкое сине-зеленое световое пятно, перетекало на противоположную стену, выхватывало черные рамки на обоях. Под окнами надсадно выли машины, не давая прислушаться, что творилось за стенами узилища. И ни малейшей догадки о том, каким образом она очутилась в этом склепе.

Девушка попробовала освободить руки – ничего не вышло. Однажды, во время припадка, в больнице ее уже заворачивали подобным образом услужливые санитары. Но только эта комната на больницу совсем не походила.

Ульяна ладошками, насколько было возможно, поерзала по телу и со вздохом констатировала, что из одежды на ней – одни трусики. Что ж, и на том спасибо. Она решила немного полежать без движения, набраться сил и обдумать свое положение. Возможно, если вспомнить в деталях прошедший вечер, то удастся сообразить, в какую историю она на этот раз вляпалась.

Уля закрыла глаза. Ах да! Сегодня вечером они долго ссорились с Мэтом. Он упорно не желал идти в клуб, мечтал остаться дома и ссылался на раннюю репетицию в театре. «Ты опять безобразно напьешься и не дашь мне покоя до утра», – так, кажется, он сказал. Но Ульяна и думать не желала о том, чтобы целый вечер проторчать дома. «Придурок! – бушевала она. – Да один выход в нормальный клуб дает тебе больше, чем десять дурацких спектаклей! Даже если тебе придется тащить меня оттуда волоком. Ты что, совсем не врубаешься?!»

В итоге, так и не помирившись, злые и охрипшие, они все-таки поехали в клуб. Правда, как назло, там в этот вечер толпилась одна шваль, которую вообще непонятно как пустили в такое крутое место. Когда Уля шествовала к своему любимому столику, ее пару раз задели локтями какие-то развязные парни, дрыгающиеся на пяточке между столами и сценой. И официант посмел выказать нетерпение, когда Ульяна без всякого интереса листала меню. Не словами, конечно, но лицом – она заметила – изобразил скуку и презрение.

Назло ему Уля ничего не заказала из местных поганеньких блюд. Только виски, как всегда. Стоило мальчишке отойти от стола, как Мэт зашипел ей прямо в ухо:

– Только посмей пить без закуски! Я не дам тебе сегодня надраться. Сначала съешь то, что я заказал, и только потом прикоснешься к стакану. А лучше и не касайся!

Ульяна выпрямилась на стуле, широко улыбнулась и ровным голосом объяснила Мэту его место в этой жизни и куда ему следует отправляться, если еще раз полезет к ней с подобными глупостями. Матвей даже побледнел, услышав слова, извергаемые нежными девичьими устами. На миг Уле показалось, что он сейчас вскочит со стула и унесется прочь.

Но этого не случилось. Мэт замолчал и не открыл рот даже тогда, когда официант принес бутылку виски и щедро плеснул золотистую жидкость ей в стакан. Уткнулся в свой салат с авокадо и по-детски прерывисто вздыхал. И эти вздохи сразу умилили ее гнев и раздражение. Именно за эту детскую ранимость и обидчивость она любила Мэта. Уле нравилось чувствовать себя рядом с ним взрослой женщиной, «мамочкой», хотя на самом деле Матвей был старше ее на целых пять лет. А мужчина-отец, надсмотрщик и воспитатель ей не нужен, нет! Своего законного папаши вполне хватает, черт бы его куда-нибудь забрал!

Оттаяв душой, Ульяна покрутила головой в поисках знакомых лиц. В глаза ей бросилась лоснящаяся черная физиономия за соседним столиком. Уля даже заморгала от удивления. Один только стакан пригубила, а уже черти мерещатся? Нет, точно: в двух метрах от нее восседал черный лицом и абсолютно лысый тип в вязаной жилетке поверх футболки. Рядом с ним за столиком сидели еще трое мужчин. Лица их Ульяне были знакомы – встречались на тусовках, – а вот фамилии вылетели из головы. Мужчины были в возрасте, наверное, даже старше ее отца, и заинтересовать Улю никак не могли. Да и сам негр уже почти старик, под расплюснутым носом топорщились снежно-белые смешные усишки.

– Глянь-ка! – Ульяна подергала Матвея за рукав. – Не, ну кто додумался ниггера сюда пустить?! Скоро в это место нормальные люди и не сунутся.

А Мэт, как оказалось, тоже смотрел на тот столик, просто глаз не отводил. Лишь метнул на девушку дикий взгляд и зашептал:

– Молчи, если не знаешь, это знаменитый голливудский актер!

– Ну, пусть тогда покушает, конечно, – покладисто согласилась Уля. – А чего это я его не знаю, а, Мэтик? Он вообще в каких фильмах играет?

– В хороших, – отрезал, едва двигая уголком губ, Мэт. – Ты такие не смотришь.

Это было обидно. Уле стоило больших сил удержаться от убийственной реплики. Мэт тем временем совсем сполз на кончик стула, вытянулся всем своим длинным телом в направлении лысой звезды. Лицо его сделалось таким мечтательным и отстраненным, будто он наполовину уже был в Голливуде. Уля перестала сдерживаться и со всего маху ткнула его ладонью в спину. Матвей беззвучно съехал со стула и шлепнулся задом о мраморный пол клуба. Вскочил и, сжавшись от неловкости, натыкаясь на столы и стулья, бросился к выходу.

– И не смей брать мою машину! – вслед ему заорала Ульяна. – Уволю водилу, если он тебя хоть до метро подбросит.

Мэт на секунду обернулся, зыркнул на нее бешеным глазом, всем видом показывая, что скорее даст себя распясть, нежели приблизится к ее машине. И исчез за дверью.

Ульяна посидела еще немного, прикончила бутылку, потом встала и решительно потрянула короткими густыми волосами. Ступая осторожно, стараясь идти по одной линии, приблизилась к голливудскому негру и улыбнулась ему зазывно:

– Потанцуем, дядечка?

Артист ответно расплылся в улыбке, но остался сидеть за столиком, прислушиваясь к своим попутчикам, которые всем кагалом, перебивая друг дружку, на чисто английском языке бросились прояснять ему ситуацию. Уля, хоть и учила английский в школе, смысла торопливых речей понять не могла, только разбирала свое и отцовское имя, произнесенное без малого десятков раз. Она возбужденно переступала с ноги на ногу, оглядывалась по сторонам, стараясь угадать в зале репортеров. Ну и утретса же Мэт, когда завтра в газетенках появятся фотографии ее с негром! Пожалееет, что сбежал так поспешно, глядишь, уже к ночи получил бы приглашение в этот свой вожделенный Голливуд. А тем временем, выслушав все напутствия, чернокожий гость отклеился от стула и галантно протянул ей руку. И на этом моменте воспоминания Ульяны загадочным образом кончились.

«Так меня что, негр похитил? – рассуждала сама с собой Ульяна. – Тогда плохо дело, простым выкупом не отделаешься. Все негры – сексуальные маньяки. Наверное, приехал расслабиться с малолетками подальше от своей Америки. А кто-то из тех мужиков ему помогал. Но, черт возьми, я ведь их всех знаю! И они знают, что я их знаю. И что теперь со мной будет? Получается... живой не отпустят?!»

От страха Ульяна дернулась так, что чуть не свалилась со своего жесткого и очень узкого ложа. Закрутила головой, стараясь разглядеть помещение вокруг себя. Чтобы потом уж перейти к решительным действиям по собственному спасению.

Странная это была комната. Крохотная, вся заставлена громоздкой мебелью. Эта мебель почему-то пугала девушку больше, чем провал в памяти и неопределенность ее судьбы. Вот со шкафа прямо над ее головой свисает вниз что-то огромное, черное, как будто собирается прыгнуть на кровать. Со стен смотрят на Улю неразличимые в темноте фотографии и наполняют ее душу тревогой и страхом. А под столом загадочно белеет что-то, чего под столом быть не должно. И все эти предметы как будто знакомы девушке, только темнота мешает их окончательно узнать. Как будто она уже видела их когда-то, в каком-нибудь позабытом сне...

«Что за наваждение такое? – спросила себя Ульяна. – Я уже была здесь когда-то... Была?! Ой, да что же это?!»

И тут Ульяна, считавшая себя в свои неполные восемнадцать лет крепким орешком, женщиной, прошедшей огонь и воду, вдруг завизжала, как дошкольница, которой в темноте ее спальни почудилась вылезаящая из-за занавески красная рука.

Секунды через две распахнулась дверь, и люстра залила комнату тусклым желтым светом. Уля вскрикнула, зажмурилась – а потом в изумлении вытаращила глаза: в дверях стояла ее мать. Одетая в строгий темный костюм, она держала руку на выключателе и с немым вопросом в глазах смотрела на вопящую дочь. Впрочем, при ее появлении Уля орать перестала, зато набросилась на мать так злобно, словно та была виновата в только что перенесенном ею ужасе. Да так оно и было на самом деле.

– Мама! – кричала девушка, дрыгая руками и ногами, чтобы освободиться от одеяла. – Что это такое?! Откуда все это взялось? И как я тут оказалась?!!

– Не кричи так, Уля, успокойся, – поморщилась мать. – Ну что, скажи на милость, так тебя напугало? Неужели ты не узнаешь квартиру, в которой прожила целых десять лет?

– Узнать-то я ее узнаю, – уже потише согласилась Ульяна, кося глазами по сторонам. – Только откуда эта квартира вдруг взялась? Я думала, ее давно уже не существует.

– Куда же ей деться? – спросила мать.

– Ну, откуда мне знать, может, она сгорела, развалилась, вы с отцом ее продали или подарили кому-нибудь!..

– Никто ее не продавал и не дарил, – покачала головой женщина. – Стоит, как стояла. Здесь одна моя знакомая много лет прожила, но она ничего не трогала и не меняла. Даже твой кукольный дом под столом все еще на прежнем месте.

Уля машинально глянула в сторону стола. Стол был круглый, его покрывала необычная скатерть: бордовая, плюшевая, с густой бахромой. На каждую бахроминку нанизаны длинные разноцветные ракушки. В детстве Уля из года в год обрывала эти раковины и пускала их на всякие нужды, например кукле на шляпку или себе на бусы. Но раковины все равно еще оставались и забавно шуршали, когда по комнате гулял сквозняк. Сейчас скатерть немного съехала на сторону, и за ней был виден незамысловатый кукольный гарнитур: стол, стулья, кровать.

Мать тоже поглядела на стол, улыбнулась печально и поправила скатерть.

– Но я-то что тут делаю?! – снова завелась Ульяна. – Ты зачем меня сюда притащила? Кукол под столом смотреть?

Мать вздохнула и переставила стул поближе к дивану. Уле стало ясно, что испытания на сегодня не закончились. Ее ждала очередная душеспасительная беседа.

– А что мне было делать, – заговорила мать, – если Миша привез тебя домой в таком состоянии, что было не ясно, как можно так напиться и не умереть? А твой отец должен был вот-вот вернуться домой. Ты хоть представляешь, что бы он сказал, если бы снова, после всех наших стараний, увидел тебя такой?

Уля нервно сглотнула: она представляла. Потом взвизгнула, найдя, наконец, виноватого:

– Сегодня же уволю этого придурка! Он что, специально повез меня к вам, а не ко мне домой? Подставить, сволочь, захотел!

– Да потому, что бедный мальчик за тебя, дуру, испугался! – ответно повысила голос мать. – Потому что он, наверное, прежде не видел молоденьких девушек в таком состоянии и вообразил, что ты отравилась или у тебя сердечный приступ!

– Ну ладно, с этим типом ясно, но почему ты просто не отвезла меня домой? Ты-то поняла, что я просто напилась, – спросила Уля примирительно, надеясь, что и мать сбавит тон. Но этого не случилось.

Мать тяжело перевела дух и понизила голос, но металл в нем зазвучал еще отчетливее:

– А я не могла допустить, чтобы твои соседи, охрана твоего подъезда или твой молодой человек, окажись он дома, увидели бы тебя такой!

«Они меня и не такой видели», – едва не сказала Уля, но в последний момент удержала нечаянную фразу на кончике языка. Вместо этого спросила:

– И сколько времени мы здесь торчим?

– Через пару часов будут сутки.

– Чего?! – Ульяна так и подскочила на месте, попутно ударив копчик обо что-то каменно-твердое в недрах дивана. – Да меня же все потеряли! А что ты сказала отцу? Он знает, что мы тут?

– Отец в курсе. Что я могла ему сказать? Что тебе наконец-то захотелось поболтать по душам со своей старой мамой.

– И он, конечно, обо всем догадался, – скрипнула зубами девушка.

– Возможно. Но, по крайней мере, он тебя не видел.

Немного помолчали. Уля еще раз обвела глазами комнату, брезгливо поморщилась и начала сползать с дивана. Неожиданно в голове противно зашумело, и свет померк в глазах. Горло словно сжали железные щипцы, и Уля в страхе откинулась на подушку и замерла. Весь апломб испарился, и она захныкала, словно попавший в беду ребенок:

– Мамочка, почему мне так плохо, не понимаю? Раньше такого никогда не бывало...

– А ты забыла, что пьешь таблетки, несовместимые с алкоголем? – в сердцах воскликнула мать. – Ты, конечно, не помнишь, но вчера тут был твой врач. Мне показалось, что даже у него опустились руки. Он сказал на прощание, что бессилён, когда пациент так тверд в желании себя уморить. Единственное, на чем он настаивал, – чтобы ты хотя бы несколько дней не вставала с постели. Не волнуйся, я не буду допекать тебя разговорами, мне нужно вернуться к отцу. А ты оставайся здесь, пока не пройдет слабость.

– Да ты чего? – испуганной куропаткой вскинулась Уля. – Чтобы я осталась в этой убогой квартире еще хоть на час? Да лучше сдохнуть!

– Но ведь ты жила здесь, – возразила мать.

– Так это когда было? Здесь меня точно тянет... как его... умориться. Любого бы потянуло.

– Знаешь, – сказала мать, – иногда я жалею, что мы уехали из этого дома. Я тогда была вроде тебя, молоденькая дурочка. Думала, что все к лучшему и у тебя будет настоящее детство, не то что у нас с отцом. А теперь я все чаще думаю, что, возможно, нам лучше было бы остаться здесь.

– Ага, лучше! – возмутилась Уля. – Я бы давно уж повесилась на этой дурацкой люстре. В таких условиях люди не живут!

– А помнишь, как ты просила отвести тебя в эту квартиру хоть на пару часов? Как почти год еще ездила в свою старую школу на репетиции хора? Как стеснялась, что тебя туда возили на машине и с охранником?

– Дура была, одним словом, – равнодушно обронила Ульяна. Ей, наконец, удалось оторваться от дивана и не испытать новый приступ тошноты. Она даже дотянулась до своей одежды и начала раздраженно натягивать футболку на слабое, противно-влажное тело.

– Что ж, не хочешь тут оставаться – собирайся, я отвезу тебя домой, – отвернувшись, холодно проговорила мать. – Кстати, отец велел тебе явиться к нему в офис завтра ровно в два часа. Запиши в телефон напоминание, иначе опять все забудешь.

– Отец? Зачем? – пискнула девушка. Мгновенно вернулась слабость, наполовину натянутые джинсы сползли с бедер и упали на ковер. – Это... из-за вчерашней истории, да, мам?

– Вчера он тебя, слава богу, не видел. Сходишь – узнаешь.

– А почему в офисе, а не дома? – жалким голосом выпрашивала Уля. – Я что, уже не живу вместе с вами? Почему бы ему не поговорить со мной, когда я заеду домой?

– Ну, видно, устал ждать, когда заедешь. Ты нас визитами не балуешь.

– Так если бы он сказал, я бы тут же, я бы сразу... Мам, может, узнаешь, зачем он меня вызывает? – окончательно смешалась девушка.

– Все, хватит, раньше надо было бояться! – прикрикнула на нее мать. – А я, извини, ничего узнать уже не успею, потому что, если помнишь, утром у меня самолет. И с меня достаточно стрессов. Разбирайся сама, дочь моя.

Ульяне ничего не оставалось, как с пришибленным видом снова заняться одеванием, попутно размышляя о том, какие новые меры борьбы с собственным чадом придумал на этот раз ее неугомонный отец. И что знает об этом мать, которая, показалось Уле, выглядела в этот вечер подозрительно грустной и озабоченной.

Лиза

Лиза Вяткина валилась с ног от усталости и тревоги. Сегодня она снова не смогла попасть туда, куда попасть было жизненно необходимо. Вместо этого с неподъемной сумкой на плече она полдня металась по городу, оглядывалась, словно загнанный зверек, бросалась то в подворотню, то в нутро отъезжающего автобуса. И окончательно убедилась в том, что за ней следят какие-то неизвестные ей люди.

Этот кошмар начался два дня назад. Она привычно собирала со столов грязную посуду, когда почувствовала на себе чей-то взгляд и машинально посмотрела в окно. Там стоял человек с камерой в руках и снимал кафешку, в которой она работала. Зачем понадобилась ему эта забегаловка, выглядевшая со стороны обычной бетонной коробкой, Лиза не поняла, но задумываться не стала. Через два часа ее смена закончилась. Вяткина забрала из холодильника приготовленный еще с утра пакет с продуктами, вышла на улицу, жадно вдохнула свежий воздух – и снова увидела того человека. Теперь он сидел на скамеечке шагах в десяти от входа и смотрел в другую сторону. Но, перейдя двор, Лиза обернулась и увидела, что он идет за ней следом.

Это было невозможно, так невероятно, что поначалу Лиза даже не испугалась. Ну, кому она нужна, чтобы следить за ней? Если мужчина положил на нее глаз, то, верно, не стал бы особо церемониться. Да и не похож этот тип на человека, который может заинтересоваться какой-то посудомойкой. Уж слишком он лощеный, гладкий, а глаза холодные, злые.

И вдруг она испугалась до крика, до темноты в глазах. Лишь один человек на свете может интересоваться ее нынешним существованием! Ноги подкосились от ужаса, сумка сделалась неподъемной. Лиза замерла на месте, боясь пошевелиться, боясь нечаянно взглянуть на мужчину за спиной. Она принялась без всякой нужды копаться в карманах, потом заставила себя сделать шаг вперед. Но куда теперь ей податься? Ясно, не туда, куда шла. И Лиза отправилась домой, убеждая себя, что завтра этот кошмар развеется как сон.

Но назавтра все продолжилось. Уже от дома за ней увязался мужчина. Другой, но очень похожий на вчерашнего. Синий свитер, тщательно наглаженные брюки. Равнодушное, словно смазанное выражение лица. Да и само лицо такое неприметное, что не остается в памяти. Может, это все же тот, вчерашний? Глаза у этого красные, как у лабораторной крысы, а вчерашний был в очках. Шел он, не особо таясь, с ленивым и даже несколько презрительным видом, поддевая носком дорогого ботинка камешки на дороге. Один из них догнал Лизу и больно ударил по пятке. А она даже не посмела оглянуться.

Отработала как во сне. В окна сегодня никто не заглядывал, но она чувствовала – ничего еще не кончилось. После смены вышла на улицу, боязливо прижимая к груди похудевший пакет. Ночью мать с отчимом обнаружили в холодильнике продукты, ничего толком не съели – их давно уже мало интересовала еда, – но все перепортили, раскрошили, размазали по полу. А денег на новые оставалось совсем впритык. Но не это волновало сейчас Лизу.

Она оглянулась. Так и есть, человек подждал ее на скамейке с видом на кафешку. Немедленно встал, с довольным видом размял ноги – и пошел следом. Так они дошли до проспекта.

И тут Лиза поняла, что должна немедленно избавиться от преследователя, пока не сдали нервы. Она увидела автобус, который уже понемногу отваливался от остановки, однако двери его все еще оставались открытыми. Прижав к себе сумку, Лиза рванулась вперед, вскочила на первую ступеньку и в изнеможении прислонилась к захлопнувшейся двери. Преодолеть еще одну ступеньку она не смогла – дрожали колени. Только спросила у кого-то:

– Скажите, какой это номер?

Ей ответили, и девушка воспрянула духом. Автобус шел именно туда, куда ей было нужно. Через пять остановок она спустилась на тротуар, думая уже только о том, какие продукты ей придется докупать в магазине.

Магазин был напротив остановки. Тщательно сверяясь с наличностью в кошельке, Лиза купила сыр, колбасу, творог, упаковку сока и селедку для Андреевны. Потом не удержалась и взяла еще резиновую голубую уточку для ванны. Вышла из магазина – и оцепенела от горя и ужаса. Чуть впереди поблескивала боками черная машина, рядом с ней стоял ее преследователь. И как же она не подумала о машине? Какая непростительная глупость с ее стороны!

Идти к Андреевне было нельзя. Лиза перехватила поудобнее два раздутых пакета и бросилась через дорогу к остановке автобуса, который шел в сторону ее дома. Назад она больше не смотрела. Пусть тип думает, что ей нравится закупать продукты именно в этом магазине.

Дома Лиза первым делом прошла на кухню и обнаружила там соседа по коммуналке, который давно уже предпочитал снимать квартиру, лишь бы не обитать в их гадючнике. Он варил себе яйцо, настороженно и терпеливо зависая над кастрюлькой. Лиза решила, что сосед из-за кризиса решил вернуться домой, тем более что его жильцы – супруги из Узбекистана – уже месяц как не появлялись в съемной комнате.

– Как поживаешь, Лизавета? – спросил сосед, краем глаза оглядывая девушку. И вздохнул, видно приметив, как осунулась и подурнела она за последние месяцы.

– Хорошо, дядя Сережа, – как можно бодрее отозвалась Лиза.

– Худая ты стала, не узнать, – не удержался от оценки сосед. – Родители все квасят?

Лиза только плечами пожала: как будто они когда-нибудь делали что-либо другое. Лицо соседа вдруг потемнело, губы искривились, и он спросил напряженным голосом:

– Слыхала, что Геннадий наш из тюрьмы досрочно вышел?

Лиза не слышала, но о чем-то таком догадывалась с того момента, как обнаружила слежку. И все-таки в этот миг в голове застучали молоточки, мешая слышать соседа.

– Пропала квартира, – сокрушался сосед, – с этим типом даже гастарбайтерам комнату не сдашь. Затеет драку, а мне с милицией объясняйся. И тебя, Лиз, жалко. Нашла бы ты себе мужика да съезжала б отсюда куда подальше.

– Дядя Сережа, – не слушая, пробормотала девушка, – дайте мне с вашего телефона позвонить. Я быстренько, одну только минуточку.

– Бери, конечно. – Сосед рассеянно вложил ей в руку мобильник. – Не торопись.

Лиза шмыгнула в ванную и быстро набрала номер. Как хорошо, что она додумалась купить Андреевне телефон для экстренной связи. Теперь себе бы купить, но пока лишних денег на это нет.

– Слушаю вас, – ответил ей глуховатый голос.

– Анна Андреевна! – закричала Лиза, радуясь тому, что хоть поговорить им удастся. – Как вы там?

– Хорошо, Лиза, – бодро прозвучало в ответ.

– У вас еда не совсем еще закончилась? Вы не голодаете?

– Да что ты, Лизонька, у нас тут полк солдат можно неделю содержать, и все равно останется!

Но эти слова Лизу не слишком утешили. Она знала, что Андреевна способна долго скрывать истинное положение вещей, питаться сухими корками и все отдавать Сонечке. Забьет она тревогу, только когда не станет чем кормить девочку.

– Анна Андреевна! – заторопилась Лиза. – Я не знаю, когда смогу навестить вас, понимаете? Может, завтра, но может, и нет. У меня... кое-что случилось. Вы продержитесь немного, хорошо?

– Конечно продержимся, – еще бодрее заверила ее Андреевна. – Ты, Лизонька, за нас совершенно не волнуйся. Я давно говорила, что не надо нам так много всего таскать. Ты отдохни, поднакопи денег.

Женщина замолчала, и Лиза услышала, как на заднем плане что-то тихо проговорила Сонечка.

– Что она говорит? – задыхаясь от нежности и тревоги, спросила Лиза.

– Говорит, что любит тебя, – сказала Андреевна. Покривила душой, конечно, – в голосе ребенка явно звучал вопрос.

– Как там соседи, не беспокоят вас? – волновалась девушка.

– Нет, нормально все, – без особого энтузиазма отозвалась женщина. – Вчера Соня немножко всплакнула вечером, так пришлось заглушку делать. Соседи, конечно, попробовали возмутиться, но я, как ты это выражаешься... включила глухую старую стерву, да? Сказала, что хочу слушать телевизор на подходящей мне громкости. А погуляли мы, как обычно, на балкончике, нам туда солнышко светит, хорошо, тепленько, лето скоро. Так что, Лизонька, ты за нас не смей волноваться. Договорились?

– Договорились, – со вздохом подтвердила девушка.

Ульяна

Мать подвезла Улю до дома, выходить из машины не стала, только произнесла сдержанно, покосившись на окна:

– Иди уж, там тебя, похоже, ждут. И возьми на всякий случай ключи от старой квартиры. Отдашь, когда я вернусь. До свидания, дочка.

Мать шокировало, что у ее несовершеннолетней дочери есть сожитель, чему Ульяна искренне дивилась: это было наименьшее из ее прегрешений. У нее и до Мэга были любовники, вот из-за них родителям и впрямь стоило беспокоиться: один из них приучил ее к героину, а из-за второго Уля попала в историю с наездом на пешехода, и отцу потребовалось приложить много усилий, чтобы не увидеть единственную дочь за решеткой. Уля сама поражалась, как после тех парней ухитрилась связаться с таким занудой, как Мэт. Он выглядел просто придурком со своей привычкой рассуждать о том, что хорошо, что плохо, что безнравственно, а что вообще недопустимо. Уля считала это неискоренимым признаком плебейства: ведь Матвей рос в нищей семье и воспитывался матерью-одиночкой.

Но было в Мэте то, что искупало его неискоренимое занудство. Во-первых, он был невероятно красив, в любой тусовке все обращали на него внимание, и, конечно, все бабы от пятнадцати и до шестидесяти лет завидовали Уле. Во-вторых, Мэт так смешно терялся от каждого грубого слова, закусывал губу и смотрел на Улю глазами побитой собаки. А если из сострадания к нему Уля прекращала материться или отказывалась от лишнего стаканчика, он с благодарным видом брал ее за руку и целовал кончики пальцев. От одного этого прикосновения, да что там, от одного воспоминания о нем Улю так и захлестывала горячая волна. В глубине души она очень боялась потерять Мэга. Вот и сейчас, когда ехала с матерью по ночному городу, с тревогой думала о том, не доконала ли Матвея история в клубе?

* * *

Впервые Уля увидела Мэга на премьере очередного шедевра популярного российского режиссера. Идти ей не хотелось, она только что вышла из клиники и испытывала невероятное отвращение ко всему на свете. Но режиссер лично прислал приглашения всей семье, и мать сказала ей:

– Ну, хоть ты сходи, неловко перед человеком...

Уля поломалась для приличия, но пошла, а с собою для компании прихватила Нотку. Вот тогда она увидела Матвея – и просто приросла к стулу. Она была в зрительном зале, а его лицо – во весь экран, и он был сказочно, неправдоподобно хорош собой.

– Кто это? – громко обратилась она к Нотке. – Его что, из Голливуда пригласили?

– Тише! – взмолилась в ответ вечная тихушница Нотка. – Это наш российский актер, его на кастинге режиссер отыскал. Первая роль в кино, по-моему удачная.

Фильм пролетел, как одно мгновение. О чем он был – мелодрама ли, фантастика – это прошло мимо Ули. Она смотрела только на Матвея и шептала себе под нос: «Я хочу такого, заверните. Этот парень должен принадлежать мне, и точка».

– Фильм имел успех, правда? – жадно спросила она у Нотки, едва вышли из кинотеатра.

– Видишь ли, – с обычной рассудительностью завела та. – Фильм, конечно, фуфло, но ввиду колоссальной рекламной кампании наверняка будет признан событием года. Любые намеки на его провал будут пресекаться на корню, пока не внушат даже самым недоверчивым, что фильм безусловно является шедевром. Хотя, конечно, в Америке его бы просто осви-стали...

– Да плевать мне на это! – нетерпеливо выкрикнула Ульяна. – Скажи, этого парня будут приглашать на тусы? Мне нужно его видеть!

– Я не знаю, куда его будут приглашать, а увидеть ты его можешь хоть завтра, – загадочно ответила Нотка.

– Как это сделать? – подпрыгнула на месте Уля. – Что, позвонить режиссеру и спросить его телефон?

– Да просто сходить в театр.

– Да ты что? – поразила Уля. – Слушай, а как туда попадают? Кому позвонить, чтобы прислали приглашение?

Нотка изумленно на нее покосилась, кажется, едва удержалась от едкого замечания. Но, зная взрывной характер приятельницы, ответила с обычным терпением:

– Есть вариант проще: купить билеты в кассе.

– Займись этим немедленно! – приказала ей Ульяна. – Не вздумай экономить, бери самые крутые места. Миша, останови машину!

На следующий вечер они пошли в театр. Сидели в первом ряду, Нотка держала на коленях огромный букет. Мэт был на сцене почти все время – и при любой возможности бросал в сторону Ули короткие заинтересованные взгляды. Потом она проследовала за кулисы – и уже через два дня Мэт перебрался в ее квартиру. Уля плевать хотела на намеки желтой прессы, что Матвей живет с ней ради карьеры и денег. Она ведь не взрослая богатая тетка, чтобы у нее завелся альфонс. Пугало другое: вдруг найдется другая, которая сможет лучше поспособствовать карьере Мэта. Ах, если бы она смогла помочь ему продвинуться, особенно сейчас, когда даже самые знаменитые актеры сидят без работы. Отец мог бы поспособствовать, но ради любовника дочери и пальцем не шевельнет. Пришлось ей изворачиваться; старалась, как могла, чтобы их имена хотя бы почаще мелькали в прессе. Только вот катастрофа: все, что она делала ради его успеха, категорически не нравилось Мэту.

Поднимаясь в лифте, Уля вообразила себе картину: Мэт сидит в прихожей на своем облезлом чемодане, поджидает ее прихода, чтобы отдать ключи и бросить ей в лицо заранее приготовленные несправедливые слова. Она, конечно, найдет что ответить, припечатает так, что парень не скоро отмоется. Но как ей жить без Мэта? Как ходить на тусовки, встречать его и осознавать, что он ей больше не принадлежит, что не для нее сияют его прекрасные глаза, не для нее звучит его голос, то волнующе хрипловатый, то звучный и сильный? А вдруг он уже ушел, а свет в гостиной жжет Нотка? Нет, кажется, она на два дня отпрашивалась в свой дурацкий монастырь. О, хоть бы это не она! Уля так накрутила себя, что в квартиру входила, с трудом удерживая злые слезы.

Мэт выскочил из комнаты на стук двери. Он был в халате, с влажными волосами, во взгляде – паника.

– Ты что вытворяешь? – крикнул он. – Я чуть с ума не сошел! Тебя не было целые сутки!

– Ну, вернулась же, и утешься этим, – посоветовала ему Уля, сразу забывая только что пережитые страхи. – Нечего на меня орать.

– Где ты была, могу я узнать? Ты что, окончательно надралась и уехала с этой компанией?

– А если уехала, что с того? – иезуитски поинтересовалась девушка.

– Ничего, конечно, но в таком случае я одеваю и ухожу навсегда, – сообщил ей Мэт.

– Господи, как ты меня напугал! Куда ты пойдешь, а? В свою подворотню?

– Нет, Ульяна, подворотня – она для меня здесь! – выкрикнул Мэт и исчез в глубине квартиры.

И мгновенно Уля перепугалась. Ну, что у нее за тяга постоянно ходить по краю?! Она бросилась за Матвеем и нашла его в ванной комнате, уже в джинсах и свитере. Кажется, он и в самом деле собрался уходить.

– Ну, я же пошутила, – с трудом выдавила она покаянные слова. Ульяна терпеть не могла просить прощения и не делала этого, наверное, с десятилетнего возраста. – Я была с матерью. Честно-честно! Можешь позвонить ей и спросить, если она захочет с тобой говорить.

– Я тысячу раз звонил тебе, – уже спокойней произнес Матвей, и Уля поняла, что угроза немедленного разрыва миновала. – Зачем ты отключила телефон?

– Телефон? – Ульяна похлопала себя по карманам, и вдруг в голове ее отчетливо вспыхнуло одно из воспоминаний прошлого вечера. – Ах, точно, я же его негру подарила!

– Зачем?!

– Ну, я достала трубку, а он сказал типа того, что это очень дорогая модель, даже он не может себе такую позволить. Ну, то есть мне так перевели, что он там бормотал. А я ему протянула телефон и сказала: «Это вам презент, мистер, но с условием, что вы позвоните по этому номеру и предложите роль в крутом фильме моему парню». Он отказывался, пока я не засунула трубку ему в бокал. Ну, как, еще не звонил?

– Не звонил что-то, – усмехнулся Мэт.

– Ну, подожди, может, телефон промок, в бокале ж было шампанское. Он просушит его и обязательно тебе позвонит, – сказала Уля и, гордая собой, расплылась в улыбке, ожидая благодарности.

Но Мэт только вздохнул тяжело и сказал:

– Ну, что с тобой делать, пьянчужка ты моя. Ложись в постель, завтра поговорим.

А на следующий день Ульяну ожидали куда более серьезные проблемы. На два часа была назначена встреча с отцом, да еще почему-то в его офисе. Отца своего Уля не то чтобы боялась, просто редкие беседы с ним нарушали нормальное течение ее жизни. Отец постоянно пытался лишить ее чего-нибудь, либо машины, либо месячного содержания. Уля знала, что через пару недель, особенно после вмешательства матери, все вернется на круги своя, и эта беспомощность отца раздражала ее даже больше, чем временные репрессии. Она мечтала о моменте, когда отец окончательно поймет, что она неисправима, и махнет на нее рукой. Ну, не сумел воспитать, то хотя бы отпусти, разве не так?

Отец вообще представлялся ей человеком слегка блаженным. Год назад он организовал движение под названием «Сопротивление нравственному распаду». Вместе с несколькими такими же сумасшедшими спонсировал из собственного кармана талантливую молодежь из низов общества. Над этим его движением ухохатывалась вся тусовка. Хорошо еще, что в силу своего финансового положения отец попал в категорию людей, которым позволялось иметь самые экзотические прихоти. Ульяну же его увлечение раздражало безгранично. Одно хорошо – этот отцовский бзик неожиданно сделал ее популярной. Раньше Уля была лишь одной из представительниц золотой молодежи, и все ее попытки занять в тусовке какое-нибудь особое место, заделаться телеведущей или хотя бы стать законодательницей мод – все заканчивалось пшиком. Но стоило отцу создать эту организацию, как все газеты тут же начали писать о ее дебошах, пьянках, разбитых машинах и таких проблемах, которые Гриневичи изо всех сил старались удержать в тайне. Положение Ули в обществе здорово окрепло благодаря этим писакам.

– Проходите, Ульяна Рэмовна. – Отцовский секретарь, расплываясь в счастливой улыбке, проводил ее в кабинет. – Рэм Григорьевич скоро освободится. Я пока принесу вам чего-нибудь?

– Ничего не нужно, – отмахнулась Ульяна, присаживаясь на кончик кресла. Ее здорово потряхивало. Наверное, от вчерашнего еще не отошла.

– А... как ваши дела? – Секретарю явно не хотелось уходить из кабинета.

– Отстаньте от меня, ладно? – нервно вскрикнула Уля. Ей хотелось остаться одной. Она вдруг сообразила, что даже не представляет, за что отец может гневаться на нее. Ведь послед-

ний месяц она вела себя вполне сносно, даже в институт пару раз ходила. Вчера вот сорвалась, но, если верить матери, отец об этом ни сном ни духом. Может, она что-то подзабыла? Но сосредоточиться на воспоминаниях уже не удалось. В кабинет энергичным шагом вошел отец.

– Молодец, не опоздала на этот раз, – похвалил он дочь. – Вижу, некоторые мои уроки все-таки удерживаются в твоей головке.

Ульяна мгновенно воспрянула духом, даже порозовела от удовольствия. И с чего она взяла, что предок вызвал ее, чтобы наорать и чего-нибудь лишить? Возможно, на этот раз разговор пойдет о чем-то хорошем. Вдруг отец решил спонсировать фильм с Мэтом в главной роли? Она как-то намекала отцу, что хотела бы попробовать себя как спонсор и режиссер какого-нибудь блокбастера.

– Разговор у нас сегодня будет очень серьезный, – предупредил отец и начал мерить кабинет шагами. Он всегда разговаривал с дочерью на ходу.

– Слушаю, папа, – скисла девушка. Нет, ничего хорошего вид отца не предвещал. Да еще мать как-то странно смотрела на нее при прощании...

Отец на секунду застыл на месте, глянул на Улю исподлобья с таким выражением, что по спине ее пробежал легкий холодок озноба.

– Знаешь ли ты, что в пору своего детства я увлекался творчеством Раджа Капура? Был такой индийский режиссер. Не слыхала?

– Нет...

– Да не важно, собственно, – махнул рукой отец. – Особенно впечатлил меня фильм «Бродяга». Его главный герой-судья свято верил, что сын порядочного человека в любых условиях будет порядочным человеком, а сын вора – вором. Но случилось так, что его родной сын вырос в трущобах и стал вором. И однажды предстал перед отцовским судом.

Отец замолчал и посмотрел на Улю так, словно ожидал от нее какой-нибудь реакции на его рассказ. Теряясь от столь необычного вступления, она выдавила из себя:

– Прикольно...

А потом спросила торопливо, испуганная неприятной догадкой:

– А что, у нас дома что-то пропало? Честное слово, пап, я ни при чем, я и дома давно не была!

– Молчи уж лучше, – махнул рукой отец. – О другом речь. С годами я обнаружил, что эта теория и в моей душе нашла мощный отклик. Конечно, не в таком радикальном виде. Не важно, кто кого родил. Но я полагал, что ребенок, воспитанный в приемлемых условиях, у нормальных родителей, просто не имеет возможности ступить на кривую дорожку. Когда начались проблемы с тобой, я был уверен, что это проблемы роста, и через пару лет от них не останется и следа...

«Началось», – тоскливо подумала Ульяна.

– Нечего и говорить о том, что я ошибался. За семь лет нам с матерью удалось ценой огромных усилий купировать лишь самые серьезные проблемы. Да, ты не сидишь на игле и не угодила за решетку. Но едва ли этот факт может служить родительской отрадой. Ты ухитрилась ничего не взять ни от меня, ни от матери, и нет ни малейшей надежды, что это произойдет позднее. Нет, я сознаю, конечно, – отец вскинул руки, – что ты выросла в тяжелых условиях. Не нужно гримасничать, я не шучу, а искренне считаю худшими условиями для человеческого роста ситуацию, в которой ни за что не нужно бороться. И тут есть моя доля вины перед тобой. Но отчего же множество ребят, выросших в сходных с тобой условиях, сумели справиться с этим, выучились в институтах, независимо от родителей начали карьеру?

– Я тоже начну, – утомленная столь долгим монологом, оживилась Ульяна. – Ты только помоги мне немного. Я могла бы вести свою программу, например...

– Помоги, помоги! – раздраженно перебил ее отец. – А ты хоть раз поинтересовалась, как я достиг всего того, чем ты так беззастенчиво владеешь? Мне-то кто помогал? Впрочем,

вижу, тебе снова становится скучно, поэтому возвращаюсь к главной теме нашей беседы. Так вот, настал момент, когда я усомнился, что ты на самом деле – моя дочь. Я не находил в тебе ни малейшего намека на мое упорство и трудолюбие. Заподозрить твою мать в измене – невозможно! Тем более что в тебе я не обнаруживал ничего и от матери: ни ее благородства, ума, такта, ни-че-го! Это заставляло задуматься.

Уля сидела затаив дыхание – и уже совершенно ничего не понимала. Отец вроде бы и не ругал ее, но с каждой секундой ей делалось все беспокойнее. У отца такой голос, будто она сотворила что-то ужасное, чему не может быть прощения. Кажется, на этот раз дело не ограничится урезанием ее месячного бюджета. Понять бы хоть, за какие грехи.

– Полгода назад наш домашний врач взял у тебя кровь якобы для контроля за тем, не вернулась ли ты к своим детским шалостям. На самом деле я заказал генетическую экспертизу. Так вот, она показала, что ни я, ни моя жена ни имеют к твоему рождению никакого отношения. И сегодня я пригласил тебя, чтобы сообщить об этом прискорбном для тебя факте.

Отец замолчал. Молчала и Ульяна. Не потому, что была ошарашена, – просто не поняла последних фраз отца. Про анализ крови услышала. Но ведь она и сама знает, что больше не принимает всякую дрянь, значит, в этом плане все в порядке. Отец должен быть ею доволен. Почему же он смотрит на нее таким чужим и холодным взглядом?

– Ты понимаешь, что я сейчас сказал? – выждав минуту, спросил отец.

– Нет, – честно призналась девушка.

Тогда отец приблизил к ней свое лицо, вперил взгляд в ее зрачки и произнес четко, едва ли не по слогам:

– Ты – не наша дочь, понимаешь?

Уля постаралась собрать мысли в кучку, зажмурилась, мотнула головой и, ощущая сильнейшее утомление от умственной деятельности, спросила:

– И чего?

Отец отошел к окну, коротко вздохнул:

– Вопрос совершенно в твоём духе. Я бы на твоём месте спросил: как это получилось? Впрочем, я и на своём месте провел полное расследование. К сожалению, семнадцать лет назад жизнь нашей семьи была совсем иной, не было тех возможностей, что появились с годами. Надя рожала в самом обычном роддоме. Похоже, не было никакого злого умысла: детей банально перепутали.

– Значит, – спросила Уля, в голове у которой что-то стало проясняться, – у меня есть сестра? Ты ее нашел, да, папа?

– Вы не сестры, – одернул ее отец. – Да, нашел.

– И... чего, она будет жить теперь с нами?

– Ульяна, давай с тобой сразу уточним ситуацию. Безусловно, наша настоящая дочь будет жить с нами, если сама того захочет. А вот тебе с сегодняшнего дня придется начинать самостоятельную жизнь. Конечно, ты можешь навещать нас, советоваться по каким-то вопросам... Я также намерен выплачивать тебе некоторое пособие, по крайней мере, до того момента, пока не начнешь работать или не выйдешь замуж...

– Что?! – завопила Ульяна, осознав, наконец, весь ужас ситуации. – Ты хочешь просто вышвырнуть меня из дома? Папа, да ты с ума сошел! Ты что, не можешь содержать нас двоих? Разве я виновата, что меня с кем-то там перепутали?!

Отец молчал, и Ульяна совсем перепугалась. Ее бросило в жар, капельки пота поползли по коже, глаза зашипало.

– Да тебя журналисты сожрут, если ты так поступишь! – теряя над собой контроль, закричала она. – Напишут, что ты каких-то чужих оборванцев из дерьма вытягиваешь, а родной дочери, которая вдруг оказалась неродной, не можешь обеспечить нормальную жизнь. Да от

тебя твои партнеры по этому идиотскому движению на фиг отвернутся! С тобой сотрудничать никто не захочет, вот!

Не стоило этого говорить. У отца в глазах замерцали переливчатые льдинки – верный признак, что он очень раздражен. Сквозь плотно сжатые губы он будто выплюнул в ее сторону:

– Не нужно мне угрожать, Ульяна Олеговна. Это чревато дурными последствиями.

– Почему Олеговна? – вконец растерялась Уля. – Я же Рэмовна.

– Никакая ты к черту не Рэмовна! – затрубил над ее головой отец. – Давай, дорогая, смотреть правде в глаза: твой отец, Олег Иванович Вяткин, умер в тюрьме десять лет назад! Твоя мать еще жива, но уже мало походит на человека ввиду вечного пьянства! Конечно, такое происхождение несколько оправдывает в моих глазах твою склонность ко всему дурманящему. Ты говоришь, не виновата, что вас с другой девочкой перепутали в роддоме? Правильно, не виновата. И обижаться не на кого, потому что тебе невероятно повезло в результате этой путаницы! Не повезло той, другой девочке! Это она пережила все ужасы безотцовщины, нищей жизни, равнодушия алкоголички-матери, необходимости с самых ранних лет работать на самых грязных и опасных работах, чтобы хотя бы не умереть с голоду. А теперь выслушай меня и запомни раз и навсегда: Я НИКОМУ НЕ ДАЮ ДЕНЕГ ПРОСТО ТАК! И скажи спасибо, что я еще не требую от тебя возмещения долгов!

Отец швырнул перед ней на стол папку. От резкого удара створки ее распахнулись, по столу рассыпались какие-то бумажки.

– Что это? – отшатнулась Уля. Она теперь была готова к любому подвоху.

– Здесь документы, связанные с тобой. Это – счета за лечение, когда мы пытались распрощаться с наркотиками. Расписки, которые давали мне владельцы разбитых машин, попавших в аварии из-за твоего неповторимого стиля вождения без прав. Мировые договоры с владельцами клубов, баров, ресторанов после твоих дебошей. Мы с тобой в расчете, Ульяна. Что скажешь?

– Для тебя же это – капля в море, – не сдаваясь, твердила девушка.

– А ты отвыкай считать мои деньги! – грубо прикрикнул отец. – С этого дня все они принадлежат другому человеку. Тебе остается машина, без водителя, разумеется, так что очень советую получить права, прежде чем сядешь за руль. Также все наши с Надей подарки и, разумеется, месячное содержание, размер которого я еще не определил. Сразу привыкни к мысли, что с нынешним оно не пойдет ни в какое сравнение. Но и с голоду ты не умрешь.

– А где я буду жить? – прошептала Уля. – Купи мне квартиру, пожалуйста! Я могу даже уехать в Америку и поселиться в нашем доме в Майами. Не буду мозолить тебе глаза. Или хотя бы в Монако. Ты согласен, папочка?

– Забудь об этом, – усталым голосом посоветовал ей отец. Или уже не отец, а Рэм Григорьевич Гриневич, чужой и презирающий ее человек. – У тебя ведь есть сейчас жилье?

– Да, я снимаю квартиру, ты же знаешь, за нее ведь платит мама, мне самой...

– Значит, найди себе более экономичный вариант, – отрезал Рэм Григорьевич. – Все, иди, Ульяна, у меня полно дел.

– Но мы же еще ничего не решили! – в отчаянии крикнула девушка. – Я хоть смогу прийти к тебе сюда или домой или ты запретишь своим охранникам пускать меня на порог?

– Тебе в любом случае придется прийти сюда через некоторое время. – Хозяин кабинета уже уткнулся в бумаги. – Нужно будет переоформить кучу документов. До свидания, Ульяна.

Девушка попятилась к двери и вдруг закричала тонким голосом, бессильно потрясая кулачками:

– Я сейчас же позвоню маме! Она не позволит тебе так со мной поступать! Ты увидишь!

Ответом ей было молчание. Ульяна распахнула дверь и помчалась по коридору, ничего и никого вокруг не видя от бешенства.

Рэм и Надя, 1991 год

Надя Савостьянова очень рано начала жить самостоятельно. Родители умерли так давно, что отца она помнила только по фотографиям, а мать – смутно, будто эпизод из сна. Та умерла от сердечного приступа однажды рано утром, едва успев проводить дочку в школу, во второй класс. Надю растила бабушка, к тому времени уже совершенно больная, почти обездвиженная. Больше всего она боялась оставить этот свет раньше, чем Надя закончит школу, не хотела, чтобы внучка оказалась в детском доме. Бабушка даже в Бога уверовала, чтобы просить его об этой маленькой услуге, хотя всю жизнь прожила воинствующей атеисткой. Ходить в церковь не позволяли ноги и воспитание. Бабушка поставила на прикроватную тумбочку икону Иисуса Вседержителя и каждый вечер подолгу разговаривала с ним, без слез и фанатизма, на равных.

Бабушка умерла через два дня после того, как Надя поступила в институт. Умирала спокойной и счастливой, с заговорщицкой улыбкой посматривала на икону. Ее, давно уставшую мучиться от болячек на земле, страстно влекло узнать, что там, за гранью. За внучку она не боялась: Надя все умела делать по дому, знала, как вызвать сантехника и электрика, как спланировать бюджет. На сберегательной книжке лежала тысяча рублей, этого должно было хватить надолго. Мир мужчин Надя постигала на бесконечных бабушкиных историях из ее собственной жизни и жизни ее знакомых, старуха была уверена, что внучка не даст себя облапошить и не бросится на шею первому встречному. Еще радовалась она тому, что умирает так своевременно: ведь в школе у Нади не было подруг, все свободное от уроков время съедал уход за беспомощной старухой. Зато в институте с первых дней внучка будет жить нормальной студенческой жизнью. До последнего вздоха наставляла ее слабеньким шепотком:

– Живи, Наденька, по обстоятельствам. Все веселятся – и ты веселись, даже пусть через силу.

Этот совет очень пригодился Наде, когда началась учеба. Поначалу беззаботные сокурсники казались ей абсолютными детьми, она не понимала их шуток, их интересов, проблемы сверстниц, на ее взгляд, были просто смехотворны. Хотелось отойти от галдящей молодежи в сторонку и спокойно почитать книжку.

Но Надя следовала завету бабушки и даже сходила пару раз на тусовки. Посмотрела, как все происходит, пожевала черствые бутерброды, запила их пивом прямо из бутылки – и в следующий раз пригласила группу к себе. Ее предложение приняли на ура, завалились безо всякого повода – и были поражены отлично сервированным столом, горячими блюдами, хрустальными сияющими бокалами. И с тех пор собирались только у Нади. Она не возражала, втянулась в студенческую жизнь, прониклась жизнью подружек. По ночам в пустой квартире бывало одиноко, вот Надя и старалась днем напитать ее смехом и разговорами. Скоро сокурсники стали напрашиваться к ней в гости со своими друзьями и возлюбленными. Надя не возражала, только строго следила, чтобы гости вели себя прилично, не напивались, не портили общую картину. В случае чего могла и на дверь указать.

В начале второго курса собрались отметить чей-то день рождения. Надя в тот день засиделась в библиотеке и потому немного запаздывала с ужином. Когда после кухни заглянула в комнату, там уже ступить было некуда. Надя оглядела гостей, всем улыбнулась, покивала. Только один гость оказался ей незнаком. Он стоял у книжного шкафа и сквозь стекло рассматривал книжные корешки. Обернулся, без улыбки кивнул хозяйке и снова развернулся ко всем спиной. Наде этот новый гость почему-то не понравился. Было в нем что-то чужое, едва ли не отталкивающее, что могло поломать привычное течение праздника.

Она вернулась на кухню и спросила у помогавших ей девочек, чей это новый бойфренд там, в комнате. Все дружно отказались. Тогда Надя стала спрашивать о новеньком ребят, кото-

рые то и дело в нетерпении заглядывали на кухню, таскали с подноса нарезку и пирожки. Третий заглянувший, Анатолий, сразу признался:

– Девчата, это со мной. Прости, Надюша, что не предупредил, наскоком все получилось.

– Это твой друг? – спросила Надя.

– Рэм-то? – почему-то захохотал Толя. – Да он мой кредитор! Я ему сегодня половину стипендии отвалил в счет долга и как-то в разговоре случайно пригласил сюда. Не думал, что он припрется, сам обломался, когда увидел.

– А кто он вообще? Ведь не студент?

– Он вроде у нас на заочном учится. А вообще он, не поверишь, – ростовщик!

– Жуть, – сказала Надя, которая искренне считала, что порядочному человеку неприлично даже говорить о деньгах, а не то что ими как-то манипулировать.

Позднее, когда уже сидели за столом, Надя исподтишка рассматривала странного гостя. Был он очень высок, но худой, жилистый, с копной темных волос. Лицо можно было бы назвать красивым, если бы не застывшее напряженное выражение, такое, будто гость все время задерживает дыхание или у него что-то болит. В общем разговоре он не участвовал, но иногда, когда кто-нибудь шутил, и шутка получалась так себе, чуть кривил губу и вздыхал.

«Неприятный тип», – следом за ним морщилась и Надя.

После застолья все пошли проветриться и покурить на балкон. Балкон был маленький, стояли, как в метро в час пик, смеялись без повода, наслаждались собственной молодостью и жаркой близостью таких же молодых здоровых тел. Выпитое спиртное властно выталкивало на волю чувственность. Надя ощущала, как, прижимаясь грудью к ее спине, тяжело дышит ей в шею староста их группы Никита, и радовалась тому, что она его так заводит, и тому, что ничего из этого не выгорит и уже завтра они встретятся в институте, как обычные приятели и одноклассники.

– Смотрите, тут на крышу можно выбраться, – вдруг сказал Никита, обнял Надю за плечи и стал подталкивать к ограждению балкона.

Квартира была на последнем, пятом этаже. Надя посмотрела на стену дома: и правда, между ее и соседним балконами невесть зачем было несколько кирпичных приступочков, уходящих под крышу.

– Прямо как для домушников сделано, – ахнула Таня, чья-то подруга. – Надь, вас никогда еще не грабили?

– Ничего не стоит на крышу попасть, – гнул свое Никита. – Если встать на перила балкона, рукой уже можно держаться за ограждение крыши, ноги на ступеньки – и полный ажур. Может, продолжим там наш сходняк?

Никто не возражал. Появились даже предложения: собрать еду и оставшуюся выпивку в мешок, подтянуть на веревке.

– Сначала девочки лезут, – распорядился Никита. – Ко мне сюда еще парня для страховки, желательнее не самого пьяного. И табуретку надо поставить. Наденька, ну что, как хозяйка, покажешь класс?

Надя кивнула и легко вспорхнула на табуретку, а оттуда ступила на широкое, в кирпич, ограждение балкона. Никита горячими ладонями изо всех сил обхватил ее за пояс. Надя подозревала, что ради этого он и затеял всю историю. Она встала на цыпочки, схватилась за нагретые закатным солнцем кирпичи и перенесла ногу на ближайший выступ. Никита больше не обнимал ее, теперь он ладонью сильно давил ей на поясницу, прижимая к стене. Постояв немного и примерившись, Надя сделала мах ногой, закрепила стопу на кирпиче, попробовала подтянуться – но тело оказалось слишком тяжелым для такого трюка. Нога соскользнула, Надя покачнулась, несколько пар рук начали судорожно толкать ее к стене, а на самом деле только

еще больше нарушать ее хрупкое равновесие. У Нади в голове промелькнула мысль о чем-то ужасном и неминуемом.

Но тут кто-то с силой дернул ее назад, и девушка оказалась лежащей на балконе. Над ее головой раздавался шум борьбы. Потом все разом схлынуло в комнату, забыв о хозяйке. Она сама поднялась на ноги, поднесла к лицу содранные в кровь ладони. Склонилась над ограждением – и ее буквально вывернуло наизнанку. Тяжело дыша и закрывая рукой рот, Надя вернулась в комнату.

Там бушевал настоящий скандал. Никита валялся в кресле с запрокинутой головой, на лице виднелись кровавые потеки. Все орало на новенького.

– Слушай, ты пришел в чужой дом и не можешь устанавливать здесь свои порядки, – горячились девочки. – У нас принято решать все на словах, а не кулаками! Может, мы каждый раз на крышу лезем, какое тебе дело?

– Как же решать на словах, если вы ее чуть не уронили? – удивлялся Рэм. – Вы что, не видели, что она пьяная? В таком состоянии человек по прямой линии не может пройти, не то что на крышу лезть!

– Ты Наде не отец и не можешь за нее решать! – прогнусавил с кресла Никита.

– А ты суши свой нос и не лезь! – тут же парировал Рэм. – Ты ей отец, чтобы ее жизнью распорядиться? Да если бы не я, ты бы сейчас уже с милицией разговаривал, придурок!

– Кто придурок?! – взвыл Никита, бросаясь на гостя. Их растащили и опять стали орать. Надя, о которой все забыли, привстала на цыпочки и закричала:

– Уходите все вон, немедленно!

– Надь, да чего ты, слушай, просто идиот какой-то... была же идея собираться только группой... – насели на нее со всех сторон.

– Убирайтесь! – завопила Надя, глотая слезы. И убежала в ванную. Там она первым делом прополоскала рот и промыла руки. Когда вернулась в комнату, ее однокашников там уже не было. Зато был Рэм, который со скорбным видом собирал со стола грязную посуду.

– Вы что делаете? – изумилась такой наглости Надя. – Я ведь просила всех покинуть помещение.

– Я – не все, – разъяснил свою позицию Рэм.

Надя задумалась: наорать на него, что ли, так, чтобы никогда уже здесь не появлялся? Прислушалась к себе и поняла, что запал пропал.

– Почему вы такой злой? – спросила она. – Можно же было просто меня снять, и никого не бить, и скандалов не устраивать.

– Я не злой, просто характер взрывной, – ответил Рэм и улыбнулся как-то неловко, вымученно. – А взрывает меня все, что делается без ума.

– Ладно, – вздохнула она. – Сейчас чай будем пить, не выбрасывать же целый пирог.

Они проболтали до трех часов ночи. Надя узнала, что Рэм тоже сирота, после смерти родителей продал трехкомнатную квартиру, чтобы пустить деньги в оборот. Пробовал себя в разных сферах, занимался розничной торговлей, но там уже все схвачено, сейчас у него вроде как свой частный банк, дает деньги под проценты. В какой-то момент Надя поняла, что у нее слипаются глаза. Сил провожать гостя и волноваться, как он выберется из их бандитского района, не было, и она предложила:

– Ложитесь на кухне, там раскладушка за дверью, а матрас на балконе. Белье в комод на кухне, возьмите сами. А я что-то устала.

И рухнула на диван. Через несколько часов Надя проснулась и страшно пожалела, что позволила чужому неприятному человеку остаться на ночь в доме. Теперь ей ужасно хотелось пить, хотелось сходить в ванную или просто побродить по квартире, потому что в лежащем положении комната со страшной силой врашалась перед глазами. Но она боялась пошеве-

литься, ведь любой звук мужчины на кухне мог расценить как приглашение к более близкому знакомству. А может, он и само предложение остаться понял по-своему и теперь только и выжидает момента, чтобы явиться в комнату. Надя так перенервничала, что несколько раз ей чудился Рэм, стоящий в дверях комнаты и прожигаящей ее своими темными блестящими глазами.

А потом она отключилась и проснулась, когда по комнате уже всюду бродили солнечные лучи. На цыпочках приблизилась к кухне – там было пусто, раскладушка вернулась на прежнее место за дверь. Только свернутый матрас и стопка аккуратно сложенного белья поверх него напоминали о вчерашнем госте. Надя вздохнула с облегчением и скоро забыла о случайном знакомстве.

Но ближе к Новому году пришлось ей не по своей воле вспомнить о Рэме. У нее начались трудности с деньгами. Бабушкину заветную тысячу банк отказывался возвращать. Сперва Надя надеялась, что сумеет прожить на свою повышенную стипендию. Но потом по нелепой случайности – подсказала подружке буквально одну цифру, а преподавательница засекла – Надя получила тройку на экзамене, и вскоре она уже не знала, что будет есть завтра. Посиделки прекратились, сокурсники решили, что у Нади появился ухажер, и ей теперь не до них. На перерыве между лекциями она теперь сразу убегала, чтобы подружки не успели позвать в столовую. Угощаться за чужой счет было для нее делом совершенно недопустимым. Она покупала самый дешевый пирожок в забегаловке, запивала чаем, дома варила только крупы и пила кипяток. Но когда пришли счета на квартиру, Надя сдалась. И спросила у Анатолия, как позвонить Рэму. Тот удивился, но телефон дал. В тот же вечер, борясь с мучительной неловкостью, Надя набрала номер. Рэм явно обрадовался ее звонку, и это было особенно неприятно. Надя все-таки договорилась встретиться с ним на следующий день. Рэм пообещал встретиться после занятий.

На другой день, едва увидев на улице его нелепую фигуру, Надя подошла к нему и сразу перешла к делу:

– Рэм, я тут вспомнила, что вы даете деньги под проценты. Мне нужно купить кое-что из домашней техники, а средств не хватает. Не могли бы вы помочь мне?

Рэм повел себя как-то странно. Он поспешно отвел от Нади взгляд, лицо его заледенело, губы судорожно задергались. Потом он с явным трудом разомкнул их и заговорил потерянным голосом:

– Надя, простите, только я больше не занимаюсь этим. Но я дам вам телефон человека, который вам поможет, почти без процентов. Вы позвоните ему прямо сегодня, а я его предрежу...

«Врет, – поняла Надя. – Просто не хочет связываться».

– Давайте сходим в кафе, – вдруг предложил Рэм.

– Нет, извините. – Надя мстительно вздернула голову. – У меня важная встреча через полчаса, я должна бежать.

Вечером она все-таки позвонила по новому номеру. Звонить по такому щекотливому делу человеку совершенно незнакомому было еще труднее, чем Рэму, Надя почти час провела в борьбе с собой, прежде чем взялась за трубку. Но все прошло неожиданно легко: человек, у которого оказался почти мальчишеский звонкий голос, как будто ждал ее звонка. Обрадовался, как родной, сразу спросил, куда подвези деньги. Надя думала, что в таком случае за деньгами приходят сами просители, но с готовностью назначила ему место встречи. Тут же обсудили сумму, срок и проценты, которые и в самом деле оказались совсем пустяковыми. На следующий день Надя встретила с обладателем юного голоса, розовощекий юношей с портфелем в руках, получила деньги и тут же бросилась в ближайший магазин. Она уже два дня ни ела ничего, кроме хлеба.

А на следующий день в деканате вдруг вспомнили, что Надя вообще-то – круглая сирота, вызвали, пожурили за то, что она сама не подняла шум, и пообещали, что стипендию она будет получать прежнюю. Выдали даже материальную помощь. Надя, чтобы не набегали проценты, из деликатности все же выждала неделю, а потом позвонила парнишке и сказала, что готова вернуть деньги. Тот не возражал, снова явился на встречу, долго и бестолково пересчитывал деньги, то просил больше, то, наоборот, норовил себя обделить. В общем, к моменту расставания Надя уже кипела от негодования. Из телефонной будки она позвонила Рэму и предложила ждать ее у дома. А при встрече произнесла гневно:

– Думаете, я такая дура, поверила, что этот мальчик ссужает деньги в кредит? Да он считать их не умеет! Почему вы не могли помочь мне сами, а придумали эту игру? Из чистоплюйства, что ли? Или вы в меня влюбились?

– Не влюбился, – тихо ответил Рэм. – А полюбил. Когда в первый раз вас увидел. Простите, Надя, я просто растерялся, когда вы заговорили о деньгах. Знаете, сколько я уже друзей из-за денежных дел потерял? Я испугался, что наши с вами отношения начнутся неправильно.

– С чего вы вообще решили, что они хоть как-нибудь начнутся? – с самым мрачным видом спросила Надя.

– Я понял, что вы моя женщина, – с восхитительной наглостью сообщил ей Рэм. – А мое мне хоть и трудно дается, зато уж от меня никогда не уходит.

С того дня Надя стала с ним встречаться. Сперва для того, чтобы доказать, что она-то уйдет, когда захочет, что бы он там ни думал. Потом встречи стали потребностью, иногда мучительной. Рэм всегда пребывал, как он говорил, «в рабочем процессе». Ему постоянно звонили на пейджер, иногда он срывался со свиданий и куда-то убегал. Надю это бесило. Временами ей казалось, что она уже почти готова полюбить его, ответить нежностью на его робкие прикосновения, – но тут он снова убегал, и она ехала домой на пойманном им частнике, украдкой глотая слезы обиды.

Однажды Рэм пропал. Правда, предварительно предупредив, что должен будет по делам бизнеса уехать на два дня. Но к положенному сроку домой не вернулся и ей не позвонил.

Она сама звонила ему всю ночь напролет. Утром собралась в институт, но вместо этого пошла к дому Рэма и простояла у подъезда три часа. А когда увидала его в конце улицы – в ней словно лопнула до предела натянутая струна. Подкосились ноги, зашумело в голове. Подбежавшему мужчине она сказала вялым голосом:

– Знаешь, в следующий раз лучше скажи, что ты меня бросил. Я это легче переживу, чем твой бизнес. Это не для моих нервов. Я так долго не потяну.

А Рэм понял только одно – что она за него боится. Лицо его радостно вспыхнуло, он прижал девушку к себе и начал целовать на глазах у всего дома. А потом Надя и сама не заметила, как они оказались в квартире, рядом на диване, ошеломленные, счастливые, обхватившие друг друга так крепко, словно люди, испытавшие весь ужас разлуки.

Через два месяца они поженились. Жили хорошо, весело, хотя Надя и не переставала ворчать по поводу занятий Рэма. Ей хотелось, чтобы муж ходил на службу, приходил в положенное время домой, и ей бы не приходилось покрываться липким потом всякий раз, когда она читала или слышала новые сообщения об убийствах бизнесменов, о похищении их жен и детей. Однажды Рэм, разозлившись, сказал ей:

– Слушай, когда ты в школе читала о всяких революционерах, ты их осуждала?

– Да нет, – растерялась Надя. – Они ведь за светлое будущее вроде как боролись. Хотя, как выяснилось, с этим-то они прокололись.

– Вот и я борюсь за светлое будущее! – воскликнул Рэм. – И, между прочим, не только нашей семьи. Хотя за это в первую очередь. Чтобы мы могли жить по-человечески, детей смогли завести.

– А что нам сейчас мешает? – удивилась Надя.

– Ты пойми, детей рожают, когда есть условия для этого. Неужели ты хочешь, чтобы вся наша жизнь прошла в этой однокомнатной квартире, чтобы ребенок бегал в нашем грязном дворе, ходил в переполненный детский садик? А если вдруг болезнь, необходимость дорогостоящего лечения? Ходить с протянутой рукой по инстанциям? Надя, у родителей должна быть ответственность, должно быть сознание того, что в любой ситуации они о своем ребенке могут позаботиться.

– А что там во вторую очередь? – сердито спросила Надя.

– А во вторую очередь я думаю о будущем нашей несчастной страны. Посмотри, что сейчас вокруг: пьянство и безответственность. Да еще нарождающийся класс бизнесменов, которыми матери пугают детей. Я этих людей повидал, большинство из них и впрямь – моральные уроды. А я хочу, чтобы в России зародился цивилизованный бизнес. Для этого надо, чтобы в него приходили нормальные люди. А я и есть такой нормальный человек, вполне сформировавшийся, и я знаю, что при любых обстоятельствах останусь таким, то есть до уровня подонка уже не скачусь. А тебе просто надо потерпеть, Надюша. Через несколько лет все изменится, не будет уже таких ужасов.

– Куда же мне теперь деваться, – полусердито, полусхотливо ответила Надя. – Придется терпеть.

Лиза

После полуночи Лиза легла на свой топчан за ширмой, но так и не сумела уснуть. Ужас за судьбу Анны Андреевны и Сонечки сжигал ей душу. Вконец измученная, часа в три ночи она забылась на пару минут и вдруг отчетливо увидела комнату, куда так стремилась попасть. Анна Андреевна лежала на диване, иссохшая, с запавшим ртом и закрытыми глазами. В ногах у нее скорчилась Сонечка, почти бестелесная и вся словно присыпанная серой пылью. Такая же пыль лежала на всем в комнате, вещи истлели, превратились в прах, окна почему-то были заколочены крест-накрест. И сразу было ясно, что в этой комнате больше нет жизни. Лиза проснулась от собственного крика.

Она вскочила и заметалась по комнате. Картина из сна так и стояла перед глазами. Лиза твердила себе, что ничего подобного не могло произойти, она всегда старалась приносить еду с запасом, значит, что-то съестное у них наверняка остается. Но что произойдет, если она не сможет прийти еще несколько дней, неделю, месяц? Конечно, с голоду они не умрут. На самый худой конец Андреевна обратится к соседям. Попросит их купить продуктов. А если они при этом заметят Сонечку? Нет, этого допустить никак нельзя!

Обессилев от переживаний, девушка присела на край кровати, закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Не удалось – тревога сжигала все мысли, заполняла голову вязкой ватой страха. За окнами раздражающе шумел, стучал по железному карнизу проливной дождь. Зашевелилась на своей постели мать. Лиза из-за ширмы услышала, как она шлепнула по полу босыми ногами и отчетливо произнесла:

– Отстань, Олег, не стану я тебе борщ среди ночи варить.

В последнее время мать, похоже, тревожил призрак покойного мужа. Беспокойный дух то велел ей прибраться в квартире, то приготовить обед. Про себя Лиза отмечала, что характер отца в загробной жизни явно изменился к лучшему. Она хорошо помнила, что при жизни обеды и порядок в доме заботили его в самую последнюю очередь. Все первые места занимала выпивка...

– Угомонись, настырный, – сонным голосом повторила мать. – Вон, Лизка целый холодильник опять натаскала, возьми, что тебе нужно, и вали в свою преисподнюю.

Девушка невольно усмехнулась сквозь слезы. Как мать расщедрилась на ее добро, уж и призрака угощает! Это маленькое происшествие вернула ей присутствие духа.

Вдруг Лизу осенило: пока на улице дождь, надо идти прямо сейчас. Возможно, те, кто следил за ней, попрятались от ливня и не ждут от нее активных действий. Но что делать с соседями Андреевны? Люди недобрые, раздражительные, они устроят скандал, если Лиза потревожит их сон. Хотя ведь можно и не заявляться посреди ночи, а дожидаться утра где-нибудь неподалеку.

Она прислушалась. С дивана доносился дружный храп матери и ее сожителя. Девушка вскочила с постели и сгребла со стула одежду. Оделась в ванной, там же вымыла лицо холодной водой, чтобы хорошо соображать и не пропустить слежку, если даже дождь не остановит ее преследователей. Потом проскользнула на кухню, по пути сообразив, что не стоит зажигать свет. Вдруг эти люди знают, где ее окна, и сейчас наблюдают за ними из нутра своих черных машин. Из холодильника она достала продукты, пока еще не разграбленные, аккуратно сложила их в пакет.

Боязливо выглянула из подъезда. Опасность могла затаиться где угодно: в любой из припаркованных машин, под кронами деревьев, в черноте подворотен. Теперь идея выйти из дома ночью показалась ей глупой и небезопасной. В этой полутьме она не сумеет разглядеть слежку и в паре шагов за спиной. Была и еще одна причина: Лиза боялась темноты. Эта боязнь жила в ней с детства, с тех пор, как мать запирала ее в комнате и уходила на всю ночь, забыв даже

зажечь свет. Лиза забиралась на спинку дивана и поджимала ноги. Сидела так часами, совершенно неподвижно, и видела каким-то внутренним зрением, как в темноте снуют по комнате жуткие, невыразимые сущности и ждут малейшего шевеления, чтобы обнаружить и настичь ее. С годами страх не прошел, к нему только прибавилось вполне реалистичное осознание всех тех опасностей, что поджидали ее ночью в темноте, вне дома.

Казалось, двор был пуст, но можно ли вполне этому верить? Был лишь один шанс оставить с носом наблюдателей: сразу перейти к решительным действиям. Так, чтобы не успели спохватиться. Чтобы не смогли догнать даже на машине. Лиза уже все продумала. Распахнув дверь, она ночной птицей ринулась во двор, затем через двор, к заброшенной стройке. В заборе она сразу нашла лаз, которым пользовались окрестные жители, но не могли знать люди пришлые, задвинула за собой доску, пронеслась через стройку и оказалась на соседней улице. Оглянулась – никого. Но на всякий случай бежала еще несколько улиц, меняла направление, оглядывалась, кружилась на месте. И только через час, обессилев и чуть успокоившись, двинулась в сторону нужного дома.

Идти по ночным улицам пришлось часа полтора. Уже заметно светало, на улицах начали появляться первые прохожие. Несколько раз ее окликнули из проезжающих машин, но Лиза всякий раз шарахалась от проезжей части поближе к домам и переходила на бег. Около шести утра она достигла нужного дома и даже вошла в подъезд – домофон оказался вырван с корнем.

И вот тут ей невероятно повезло. Лиза и думать не смела, чтобы позвонить в квартиру в такой ранний час, просто собиралась посидеть рядом с дверью на ступеньках. Но дверь отворилась, и на пороге возникли сосед с соседкой, мрачные и закутанные. Какие-то неотложные дела в этот ранний час выгнали их из дома. Женщина встрепенулась при виде девушки, посмотрела на нее бессмысленным со сна взглядом и воскликнула:

– Вы что так рано явились? Ночь на дворе.

– Так получилось, – стала оправдываться Лиза. – Я не собиралась вас будить.

– Ну, заходите, раз пришли. – С великим нежеланием соседка чуть приоткрыла дверь в квартиру. – Удивляюсь я на вас, девушка. То несколько дней не заходите, бросили свою бабку на произвол судьбы, а теперь вдруг являетесь ни свет ни заря. Даже не знаю, сумеете ли достучаться, она ведь не слышит ничего, глухая тетеря...

– Спасибо, – ныряя в щелку, от всей души поблагодарила Лиза. – Я достучусь, ничего.

– Имейте в виду, если не будете здесь появляться, мы немедленно вызовем перевозку для вашей бабушки. Еще не хватало, чтобы она умерла здесь от голода или своих болячек... Вот напасть, честное слово..

– Я буду ходить, вы не волнуйтесь...

Наконец за соседями захлопнулась дверь.

Лиза со всех ног кинулась по коридору, с сильно бьющимся сердцем постучала условным стуком. И почти сразу за дверью раздался скрип пружин и звуки поспешного одевания. Слух у Андреевны на самом деле был как у орла, но соседям об этом знать не полагалось. Вот только ходила плоховато. С минуту слушала Лиза тихое пошаркивание, потом дверь отворилась. Высокая пожилая женщина стояла на пороге и маскировала радостной улыбкой тревогу в глазах.

– Отчего в такое время, Лизонька? Это из-за тех проблем, о которых ты говорила по телефону?

– Ага, – не стала кривить душой девушка.

Она опустила на пол сумки и со вздохом облегчения обвела глазами комнату. Свет не горел, но темнота не помеха – каждая мелочь была здесь Лизе знакома. Комната выглядела достаточно большой, с эркером, умеренно обставлена мебелью. Из новых вещей был только телевизор, остальные предметы определенно прожили здесь долгую жизнь. У одной стены стояла кровать, такая высокая, что даже рослая Андреевна забиралась на нее с резной табуре-

точки. У противоположной стены находился короткий диван, на котором, зарывшись с головой в подушку, спала девочка лет трех. Рядом с диваном стояла такая же табуретка, здесь явно не нужная, но необходимая для ребенка, желающего во всем подражать взрослым. Тут же на венском стуле были аккуратно развешаны детские одежды.

Девочка на кровати зашевелилась, оторвала от подушки голову, и Андреевна поспешила зажечь настольную лампу, чтобы ребенок не испугался голосов в темноте. Малышка заморгала сонно, потом сосредоточила взгляд на Лизе и воскликнула с восторгом:

– Ой, мамочка пришла!

Следующие полчаса Лиза возилась с девочкой. Сперва укачивала на руках и уговаривала поспать еще немного. Когда стало ясно, что Соня окончательно проснулась, Лиза одела ее и стала показывать принесенные подарки: уточку для плавания в тазу и яйцо, из которого при соответствующем уходе могло вылупиться какое-то существо. Такие яйца продавались в магазине как подарок к Пасхе. Андреевна тем временем накрыла стол, сделала бутерброды и кашу для девочки. За едой Соня была так увлечена созерцанием волшебного яйца, что Андреевна нашла момент для тревожащего ее вопроса:

– Что же все-таки случилось, Лиза?

Девушка судорожно вздохнула и ответила шепотом:

– Генка выходит из тюрьмы.

– Да что ты? – изменилась в лице старуха. – Это как такое случилось? Ведь я изучала вопрос: по закону он только через два года может выйти по условно-досрочному!

Лиза только вздохнула в ответ.

– И как же теперь? – прошептала Андреевна, пряча глаза, чтобы девушка не заметила в них страха. – Что ты станешь делать, Лиза?

– Не знаю, – качнула головой та. – Мне бы лучше вообще исчезнуть из квартиры. Только куда? На съем у меня денег нет. Помогать никто не станет. А потом, это такой человек – захочет, так из-под земли достанет. Даже странно, что до сих пор не достал.

Андреевна молчала, и Лиза догадывалась: старая женщина ищет аргументы, что могли бы утешить ее. Ищет – и не находит.

– Ты можешь пожить здесь, – единственное, что смогла она предложить после долгого молчания.

– Да что вы, Анна Андреевна! Прятаться, как вы Сонечку прячете? Чтоб вы за мной горшки по ночам выносили? А как же работа?

– Может, ты смогла бы пожить здесь на законных основаниях, – робко предположила старуха. – Я бы сказала соседям, что чувствую себя плохо, и за мной нужен постоянный пригляд.

– Анна Андреевна, вы же знаете, что это за люди! – безнадежно воскликнула Лиза...

Андреевна знала, поэтому не стала настаивать. Они немного помолчали, прислушиваясь к радостному лепетанию девочки. Потом Лиза сказала:

– Знаете, у него появились новые друзья, у Генки. Или деньги, не знаю. Но за мной уже несколько дней следят какие-то люди.

– Уголовники?

– Нет, на уголовников они как раз не похожи. Хорошо одетые люди, машины у них дорогие. Я бы даже не стала связывать это с Генкой, но кому еще-то я нужна? А тут известие, что он освобождается...

– Ты из-за них не могла к нам приходиться?

– Конечно. Мой-то адрес он прекрасно знает. Раз следит – значит, ищет Соню, вот что ужасно. Сегодня мне, кажется, удалось убежать от них, но что нам делать дальше?

Еще с четверть часа ушло на тихую, безнадежную беседу. Потом великим усилием воли Лиза встряхнулась, улыбнулась и сказала:

– Ну, не может такого быть, чтобы не было никакого выхода! Я верю, что какой-нибудь случай обязательно придет нам на помощь! Я, пожалуй, схожу на улицу и прогуляю Сонечку, раз уж так повезло, что соседей нет дома.

Но тут воспротивилась Андреевна:

– К чему этот риск, помилуй! А вдруг они прямо сейчас и вернуться? Или те люди, о которых ты рассказывала, обнаружат тебя? Теперь надо быть особо осторожными.

Да и сама Сонечка, напряженно крутя головкой между двумя взрослыми, вставила свое словечко:

– Я совсем не хочу на улицу. Лучше мы с бабушкой потом по балкону погуляем. А ты, мамочка, лучше почитай мне книжку.

Когда книга была наполовину прочитана, Соня уже крепко спала, припав щекой к Лизиним коленям. Девушка переложила ее на диван, крепко поцеловала бледную щечку. Старинные часы с потерявшей голос кукушкой показывали четверть девятого. Лизе пора было бежать на работу.

С тяжелым сердцем вышла она из квартиры. Когда-то получится еще вернуться сюда? Перед уходом все порывалась сбежать в магазин, запастись еще продуктами, но Андреевна ее отговорила:

– Холодильник у нас и так полный, а комнату припасами заполнять не нужно. Картошка прорастет, в крупах паразиты заведутся, ребенку дышать всем этим придется. Уж в крайнем случае я сама как-нибудь доковыляю до магазина. Только, думается мне, ты сама еще раньше сюда прибежишь. Все наладится, девочка моя!

– Конечно, – со слабой улыбкой согласилась Лиза.

На улице ей опять сделалось страшно. А вдруг тем людям все же удалось выследить ее? Она оглядывалась всю дорогу до кафе, но не заметила ничего подозрительного. На работу она опоздала, поэтому сразу натянула фартук и бросилась к только что освободившемуся столику. По пути глянула в окно – и остолбенела. Прямо за окном стоял тот самый, с крысиными глазами, и, не таясь, в упор смотрел на Лизу. Его невыразительное белесое лицо нехорошо ожинилось, в уголках губ затаилась усмешка. Замерев, Лиза смотрела в его лицо, стараясь понять, злится ли он на свой ночной провал или злорадует над нелепой попыткой его провести? Увы, весь его недобрый вид словно говорил девушке: «А я знаю твою маленькую тайну! Тебе меня не обмануть, детка!»

Ульяна

После разговора с отцом в голове царил полный кавардак, от злости сводило скулы. Но минут через десять Ульяне удалось взять себя в руки и начать мыслить логически.

«Как я могла купиться на такое фуфло? – спрашивала себя девушка. – Ежу ясно, что родители все это придумали, чтобы в тысяча сто первый раз попробовать меня перевоспитать. А я, как дура, еще унижалась перед ним! И мать как специально уже уехала. Она, конечно, с отцом заодно, но никогда мать не сможет сказать мне в лицо, будто я – не ее родная дочь. На то она и мать. Вот сейчас позвоню ей и заставлю признаться!»

Уля схватилась за трубку. Но материнский номер оказался заблокирован, а по домашнему телефону в Майами никто не отвечал. Ульяна припомнила, что мать за границей пользовалась другой сим-картой, но номера она не знала. Мать всегда звонила сама, а Ульяне как-то не пришло в голову зафиксировать номер. Она уже почти решилась позвонить отцу и спросить, как ей связаться с матерью, но после некоторых печальных раздумий отказалась от этой идеи.

«Ага, отец скажет, что мать мою зовут Фекла Сидоровна и адрес ее – помойка! Нет, лучше подождать, когда мать сама мне позвонит. Не может быть, чтобы не позвонила хотя бы через день, она без этого с ума сойдет от переживаний. Вот тогда все и прояснится».

Машина замерла у дома. Шофер Миша с некоторой задержкой распахнул перед хозяйкой дверь. Был он бледен, лицо осунулось, в руках сжимал какие-то бумаги.

– Ульяна Рэмовна, – через силу проговорил юноша. – Рэм Григорьевич велел передать вам все документы на машину и немедленно явиться к нему в офис. Вот, тут все, талон, доверенность, страховка...

Тут губы его дрогнули, и шофер умолк.

– Давай сюда, – холодно произнесла Ульяна. – Все, свободен.

А про себя подумала злорадно: «Переживает, несчастный идиот, думает, что отец его уволил. А это не его – это меня, черт возьми, пытаются уволить!»

Когда Миша на заплетающихся от горя ногах зашел за угол дома, Ульяна набрала еще один номер и приказным тоном выпалила в трубку:

– Нотка, срочно вали домой из своего монастыря, у меня тут большая заморочка! А, ты уже на месте, обед варишь? И Мэт тоже там? Ну, готовьтесь, через пару минут я такое вам расскажу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.